

Петр Александров

Дело Засулич

Судебные речи

Петр Александров

Дело Засулич

«Public Domain»

1879

Александров П. А.

Дело Засулич / П. А. Александров — «Public Domain»,
1879 — (Судебные речи)

«Вера Ивановна Засулич обвинялась в покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова, совершенного ею путем выстрела из пистолета 24 января 1878 г. Обвинительной властью преступление Засулич квалифицировалось как умышленное, с заранее обдуманном намерением. Истинным мотивом этого преступления было возмущение Засулич незаконными действиями генерала Трепова, отдавшего распоряжение высечь розгами содержавшегося в доме предварительного заключения политического подследственного Боголюбова. Поступок генерала Трепова широко обсуждался в печати и различных общественных кругах. Наиболее передовые из них оценивали этот поступок как жестокий акт насилия, произвола и надругания над человеческой личностью, несовместимый с принципами гуманности. Выстрел В. Засулич и прозвучал как выражение протеста против действий генерала Трепова со стороны прогрессивной общественности...»

© Александров П. А., 1879

© Public Domain, 1879

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Петр Акимович Александров

Дело Засулич

Вера Ивановна Засулич обвинялась в покушении на убийство Петербургского градоначальника генерала Трепова, совершенного ею путем выстрела из пистолета 24 января 1878 г. Обвинительной властью преступление Засулич квалифицировалось как умышленное, с заранее обдуманном намерением.

Истинным мотивом этого преступления было возмущение Засулич незаконными действиями генерала Трепова, отдавшего распоряжение высечь розгами содержавшегося в доме предварительного заключения политического подследственного Боголюбова. Поступок генерала Трепова широко обсуждался в печати и различных общественных кругах. Наиболее передовые из них оценивали этот поступок как жестокий акт насилия, произвола и надругания над человеческой личностью, несовместимый с принципами гуманности. Выстрел В. Засулич и прозвучал как выражение протеста против действий генерала Трепова со стороны прогрессивной общественности.

При рассмотрении дела Засулич царская юстиция предложила обвинителям не давать в речи оценки действий Трепова. Такое условие не было принято Андреевским и Жуковским, которые выступать обвинителями в этом процессе отказались (см. их биографические справки). Однако не только оценка действий Трепова, но и горячее осуждение вообще применения телесных наказаний были блестяще даны в речи Александрова, защищавшего Веру Засулич.

Дело рассматривалось Петербургским окружным судом с участием присяжных заседателей 31 марта 1878 г.¹.

* * *

Господа присяжные заседатели! Я выслушал благородную, сдержанную речь товарища прокурора, и со многим из того, что сказано им, я совершенно согласен; мы расходимся лишь в весьма немногом, но, тем не менее, задача моя после речи господина прокурора не оказалась облегченной. Не в фактах настоящего дела, не в сложности их лежит его трудность; дело это просто по своим обстоятельствам, до того просто, что если ограничиться одним только событием 24 января, тогда почти и рассуждать не придется. Кто станет отрицать, что самоуправное убийство есть преступление; кто будет отрицать то, что утверждает подсудимая, что тяжело поднимать руку для самоуправной расправы?

Все это истины, против которых нельзя спорить, но дело в том, что событие 24 января не может быть рассматриваемо отдельно от другого случая: оно так связуется, так переплетается с фактом совершившегося в доме предварительного заключения 13 июля, что если непонятным будет смысл покушения, произведенного В. Засулич на жизнь генерал-адъютанта Трепова, то его можно уяснить, только сопоставляя это покушение с теми мотивами, начало которых положено было происшествием в доме предварительного заключения. В самом сопоставлении, собственно говоря, не было бы ничего трудного; очень нередко разбирается не только такое преступление, но и тот факт, который дал мотив этому преступлению. Но в настоящем деле эта связь до некоторой степени усложняется, и разъяснение ее затрудняется. В самом деле, нет сомнения, что распоряжение генерал-адъютанта Трепова было должностное распоряжение. Но должностное лицо мы теперь не судим, и генерал-адъютант Трепов является здесь в настоящее время не в качестве подсудимого должностного лица, а в качестве свидетеля, лица, потерпев-

---

¹ Подробно об обстоятельствах дела Засулич см. А. Ф. Кони, Избранные произведения, Госюриздат, 1956, стр. 497–703.

шего от преступления; кроме того, чувство приличия, которое мы не решились бы преступить в защите нашей и которое не может не внушить нам известной сдержанности относительно генерал-адъютанта Трепова как лица, потерпевшего от преступления, я очень хорошо понимаю, что не могу касаться действий должностного лица и обсуждать их так, как они обсуждаются, когда это должностное лицо предстоит в качестве подсудимого. Но из того затруднительного положения, в котором находится защита в этом деле, можно, мне кажется, выйти следующим образом.

Всякое должностное, начальствующее лицо представляется мне в виде двуликого Януса, поставленного в храме, на горе; одна сторона этого Януса обращена к закону, к начальству, к суду; она ими освещается и обсуждается; обсуждение здесь полное, веское, правдивое; другая сторона обращена к нам, простым смертным, стоящим в притворе храма, под горой. На эту сторону мы смотрим, *Ъ* она бывает не всегда одинаково освещена для нас. Мы к ней подходим иногда только с простым фонарем, с грошевой свечкой, с тусклой лампой, многое для нас темно, многое наводит нас на такие суждения, которые не согласуются со взглядами начальства, суда на те же действия должностного лица. Но мы живем в этих, может быть, иногда и ошибочных понятиях, на основании их мы питаем те или другие чувства к должностному лицу, порицаем его или славословим его, любим или остаемся к нему равнодушным, радуемся, если находим распоряжения мотивом для наших действий, за которые мы судимся и должны отвечать, тогда важно иметь в виду не только то, правильны или не правильны действия должностного лица с точки зрения закона, а как мы сам⁴ смотрели на них. Не суждения закона о должностном действии, а наши воззрения на него должны быть приняты как обстоятельства, обуславливающие, степень нашей ответственности. Пусть эти воззрения будут и неправильны, – они ведь имеют значение не для суда над должностным лицом, а для суда над нашими поступками, соображенными с теми или другими руководившими нами понятиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.